

КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТЬ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ

QUALITY CONTROL AND FOOD SAFETY

УДК 619:614.31:637 (09)

DOI:10.31677/2072-6724-2020-30-4-9-27

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЕТСАНАДЗОРА ЗА ПРОДУКТАМИ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

¹**В.М. Авилов**, доктор ветеринарных наук, член-корреспондент РАН

¹**В.В. Сочнев**, доктор ветеринарных наук, член-корреспондент РАН

²**А.А. Гусев**, доктор ветеринарных наук, член-корреспондент РАН

³**Н. В. Баркова**, кандидат ветеринарных наук

⁴**А.Г. Лучкин**, кандидат ветеринарных наук

¹Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия

²Покровский завод биопрепаратов

³ООО «МАРТ-ИНФО»

⁴ГБУВ МО «Терветуправление № 3»

E-mail: zolotovo_41@rambler.ru

Ключевые слова: безопасность продуктов животного происхождения, ветеринарный и санитарный надзор, бойни, молочные фермы, правила уоя животных, санитарные станции.

Реферат. Доступ к достаточному количеству безопасных и полноценных пищевых продуктов является важнейшим фактором для поддержания жизни и укрепления здоровья человека. Небезопасная продукция, особенно животного происхождения, содержащая болезнетворных возбудителей, является причиной многих заболеваний, наносящих вред здоровью человека и влияющих на социальное состояние общества. Безопасность пищевых продуктов тесно связана с продовольственной безопасностью, а разработка и осуществление системы мер контроля – важная задача любого государства. В статье предпринята попытка изучить основные принципы построения такой системы на первых этапах ее формирования.

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF THE VETSANNADZOR SYSTEM FOR PRODUCTS OF ANIMAL ORIGIN

¹V.M. Avilov, Doctor of Veterinary Sciences, Corresponding Member of RAS
¹V.V. Sochnev, Doctor of Veterinary Sciences, Corresponding Member of RAS
²A.A. Gusev, Doctor of Veterinary Sciences, Corresponding Member of RAS
³N.V. Barkova, Candidate of Veterinary Sciences
⁴A.G. Luchkin, Candidate of Veterinary Sciences

¹Nizhegorodsk State Agricultural Academy

²Pokrovsky Plant of Biologics

³ООО «MARCH-INFO»

⁴GBWW МО «Territorial Veterinary Department № 3»

Key words: safety of products of animal origin, veterinary and sanitary supervision, slaughterhouses, dairy farms, rules for slaughtering animals, sanitary stations.

Abstract. Access to adequate amounts of safe and nutritious food is essential for maintaining human life and health. Unsafe products, especially of animal origin, containing pathogens are the cause of many diseases that harm human health and affect the social state of society. Food safety is closely related to food safety, and the development and implementation of a system of control measures is an important task for any state. The article attempts to study the basic principles of building such a system at the first stages of its formation.

Во все периоды развития человеческого общества остро стояла проблема безопасности употребления продуктов питания и, в частности, животного происхождения.

На протяжении многих веков в основе предотвращения болезней человека и животных лежала религиозная «подкладка», которая во многом зависела от образованности и социального положения народа. В первобытном обществе вся жизненная обстановка, а вместе с тем и лечебные приемы того времени сводились преимущественно к вере в существование сверхъестественных сил, каждое изменение в природе проявление стихий могли вызвать чувство страха и невольное поклонение этой грозной неизвестности. Совпадение стихийных бедствий с болезнями человека и животных, несомненно, вызывало реакцию защиты со стороны первобытного человека, проявляющуюся в суеверно-религиозных поклонениях. На этой почве возникла традиция «умилостивляющих жертвоприношений» с молитвой о помиловании скота и человека.

Таким образом, самым древним лекарством у первобытного человека являлись «жертва и молитва» как единственные средства в борьбе с болезнями животных и человека.

На более высокой ступени развития человечества оно еще больше погрузилось в обрядность и создание коллективных суеверий из-за появления религиозных служителей (жрецы, оракулы и др.), которые, как считалось, являлись посредниками между человеком и богом, и все нужды народные удовлетворялись с участием этих лиц, в том числе предотвращение болезней.

Одним из универсальных обычаев при появлении массовых болезней являлось служение молебнов над скотом в общем стаде или подворье, а также крестные ходы, так называемые «погребения коровьей смерти».

Так, в Нижегородской губернии в этих целях 12 старых дев, одна из которых впрягалась в соху, ночью ходили вокруг селения, распевая погребальные песни. В Петербургской губернии 7 нагих девушек с кочергами, метлами, сковородками, бубенцами ходили с иконой Николая Чудотворца, производя страшный шум и треск.

Более общим вариантом являлось опаживание села для предохранения от повальных болезней, когда в глухую полночь со всего села собирались женщины с распущенными волосами,

в белых сорочках или совсем без одежды, с дубинками, ухватами, кочергами и сковородками в руках и с криками и плясками опахивали все село, предполагая, что за борозду болезнь не перейдет (Архив ветнаук. – 1888. – Кн. 1. – С. 63).

В ряде случаев религия стала вводить ограничения на потребление верующими мяса отдельных видов животных и способы их убоя. Аллах провозгласил: «Верующий! Ешь то благое из тех благих снедей, коими Мы наделили Вас, и коли Вы поклоняетесь Богу, то благодарите Его». В Коране говорится: «Из того, что дано мне в откровении, я нахожу запрещенным употреблять в пищу только мертвечину, пролитую кровь и мясо свиньи, которая является скверной, а также не дозволено мясо животных, заколотых не ради Аллаха».

О запрете на употребление свинины говорится и в Библии для христиан: «... и свинья, потому что копыто у нее раздвоено, но не жует жвачки, нечиста она для Вас, не ешьте мяса их и к трупам не прикасайтесь» (Второзаконие, Глава 14, стих 8).

Согласно религиозным требованиям были установлены особые методы убоя скота: мусульманский «халал» и еврейский «шехита». Они во многом схожи, осуществляются с произнесением молитвы, и основным принципом является тщательное обескровливание животных при работающем сердце. Для этого животное фиксируют на левом боку без предварительного оглушения и длинным острым ножом перерезают вблизи нижней челюсти пищевод, трахею, яремные вены и сонные артерии без повреждения спинного мозга. В случае перерезки спинного мозга мясо не считается халяльным или, соответственно, кошерным, и верующие не должны его употреблять. Место предполагаемой перерезки шеи должно быть обязательно обращено на восток. К убою допускается только здоровое животное, убой осуществляется дипломированными бойцами. В отличие от халяльного убоя, при кошерном не допускается использование задней части туши.

Поворотным моментом в организации обеспечения населения безопасными продуктами животноводства стали достижения науки в изучении причин появления и распространения массовых заразных болезней среди животных и людей. Изучение возбудителей этих болезней и влияния их на здоровье человека дало толчок развитию системы ветсанитарного надзора за продуктами животного происхождения. Времена, в которые мясо потреблялось без всякого контроля, начали отходить в область истории.

Важным элементом государственного строительства является доступность продуктов питания для всего населения в количестве и качестве, необходимом для активного и здорового образа жизни. Ключевую роль в этом играет развитие сельского хозяйства, в том числе животноводства (табл. 1).

Таблица 1

Количество скота в странах Европы и США, млн гол. (Архив ветнаук. – 1895. – Кн. 1. – С. 157)

Страна	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи	Лошади
Россия	25,0	45,0	10,0	21,6
Германия	15,0	25,0	7,0	3,0
Австро-Венгрия	12,0	20,0	н/д	3,0
Франция	21,0	24,0	н/д	3,0
Англия	9,0	32,0	2,2	2,5
Италия	3,5	9,0	3,7	1,0
США	45,5	48,3	46,0	12,0

Мясо составляло важнейшую часть питания, однако его ежегодное потребление в килограммах на одного человека в год в разных странах отличалось (Архив ветнаук. – 1893. – Т. 1, кн. 1. – С. 44):

Австралия	111,6	Бельгия	31,5
США	54,7	Австрия	29,0
Великобритания	47,6	Испания	22,9
Швеция	39,5	Россия	21,8
Франция	33,6	Италия	10,4
Германия	31,3	Сицилия	7,0

Значительная доля животноводческой продукции в питании населения заставила обратить внимание специалистов и общественности на распространение инфекционных болезней среди сельскохозяйственных животных.

В 1894 г. на московских бойнях было убито 171829 голов крупного рогатого скота, при этом у 129753 голов (69,7%) обнаружены различные болезненные поражения, в т.ч. и инфекционного характера: туберкулез – у 12487 голов (7,26%), актиномикоз – у 9093 (5,29%), повальное воспаление легких – у 319, ящур – у 203 голов, глистные болезни по количеству занимали первое место – 54% от всего количества больных. Свиной был убито 22125 голов, у 13627 голов (61,5%) обнаружены болезненные изменения: трихины найдены у 14 голов, финны – у 1209 (5,4%), эхинококки – у 5657 (25%), туберкулез – у 608 голов (2,7%) (Архив ветнаук. – 1896. – Кн. 1. – С. 60–62). Аналогичные результаты были получены и по другим бойням (Одесса, Санкт-Петербург и др.).

В тот период широкое распространение инфекционных болезней имело место и в большинстве стран Западной Европы. На городской центральной бойне Берлина в 1886–1887 гг. было убито 111088 голов крупного рогатого скота, 87685 телят, 201351 овца, 310480 свиней. Туберкулез был выявлен у 2356 голов крупного рогатого скота и 3298 свиней, финноза установлено – 1507 случаев, трихиноза – 207 эхинококкоза – 11548 (Архив ветнаук. – 1888. – Т. 1. – С. 110).

Особенно широкое распространение имел туберкулез животных. На бойнях из общего количества убитого крупного рогатого скота было обнаружено больных туберкулезом: в Германии – от 3,67 до 37,5%, в Австрии – 1,3–1,8, в Дании – от 25,3 до 29,6, в Швейцарии – 12,14, во Франции – 9,28, в Голландии – 4,14–8,12, в Англии – 29,4% (Конгресс по туберкулезу у человека и животных. – Париж, 1898).

Несмотря на широкое распространение болезней во многих странах, в т.ч. и в России, длительное время не было единых подходов к оценке безопасности мяса при различных болезнях. Так, в циркуляре Министерства внутренних дел от 29 июля 1895 г. № 464 отмечено: «... так как подробных указаний о том, что должно делать в каждом частном случае при обнаружении той или другой болезни в законе не имеется, то на местах возникают вопросы: каким образом следует поступать с тушами животных, пораженными болезнью: следует ли уничтожить всю тушу или часть ее и при каких именно болезнях надлежит применить тот или иной способ? Ввиду такого положения некоторые административные власти издали для ветеринаров при бойнях особые правила и инструкции. Распоряжения эти настолько разнообразны, что мясо, признанное опасным и совершенно негодным к употреблению в пищу в одном месте, в другом допускается с ограничениями, в третьих – беспрепятственно обращается на рынке. Столь различное отношение к делу ветеринарно-санитарного надзора по отношению к одному и тому же предмету отражается весьма неблагоприятно не только на этом надзоре, подрывая у населения доверие к компетентности и необходимости самого надзора» (Архив ветнаук. – 1895. – Кн. 7. – С. 86–87).

Этим же циркуляром в России определены болезни, при выявлении которых мясо не допускалось в продажу и в пищу: чума рогатого скота, сибирская язва, бешенство, сап, овечья оспа, трихиноз, бугорчатка, распространенный актиномикоз и финноз, а также болезненно изменен-

ные части туши и отдельные органы, какой бы болезнью животное не страдало. При этом мясо допускалось в пищу условно, после термической обработки при повальном воспалении легких и ящуре в случае, когда изменения указывали на выздоровление, при бугорчатке и актиномикозе – в тех случаях, когда изменения носили местный характер и животные имели хорошую упитанность, при финнах – если присутствие их было незначительным.

В Бельгии, согласно Королевскому приказу от 23 марта 1901 г., установлены следующие болезни, при которых запрещено употребление мяса: сибирская язва, бешенство, столбняк, туберкулез, симптоматический карбункул, финноз, чума рогатого скота, злокачественная катаральная горячка, сап, злокачественный мыт, трихиноз, рожа свиней, чума свиней, оспа овец.

Список болезней животных, при которых полностью или частично уничтожалось мясо, в большинстве стран Западной Европы практически совпадал.

Наибольшие разногласия вызывала оценка при туберкулезе и трихинозе. В одних странах при выявлении туберкулеза вся туша уничтожалась, в других утилизации подвергались только пораженные органы, в третьих продукты убоя использовались как условно годные. Вообще этот вопрос имеет глубокую историю. Еще в далекие времена великий законодатель евреев Моисей запретил употреблять в пищу мясо животных, зараженных чахоткой. Первые христиане соблюдали ветхозаветные правила относительно мяса туберкулезных животных, исключали его из потребления. Впоследствии эти правила перешли в церковные законы, и за неисполнение их привлекали к церковному суду и налагали наказания. С течением времени этот запрет перешел в общегосударственные законы. В XV и последующих столетиях жемчужная болезнь принималась то за страдание, сродное с проказой, то отождествлялась с сифилисом человека и ставилась в зависимость от скотоложества (Германия). Вследствие этого законы очень строго относились к мясоротворцам, привлекая их к ответственности, вплоть до телесных наказаний.

Благодаря исследованию врачей в конце XVIII столетия о сущности жемчужной болезни в 1783 г. было отвергнуто родство этой болезни с сифилисом, и мясо таких животных признано годным в пищу. Врачи того времени проявили особое рвение в пропаганде отмены этого запрещения. Доктор философии и медицины Цвирлейн на рынке в Брикенау при громадном стечении публики выпил бульон, приготовленный из жемчужных узлов, желая этим убедить публику в безопасности туберкулезного мяса. Подобная пропаганда убедила общество и заставила Правительство в 1785 г. отменить закон.

В конце XIX в., с открытием возбудителя туберкулеза, вопрос об ограничении потребления туберкулезного мяса возродился и получил должное направление. В 1883 г. международный конгресс ветеринаров в Брюсселе высказался против потребления мяса туберкулезных животных, однако в последующем на протяжении длительного времени вопрос о его вреде не находил еще окончательного решения.

В России длительную дискуссию вызвала необходимость исследования свиного мяса на трихиноз. Принятие решения об обязательном исследовании на эту болезнь встретило противодействие как со стороны отдельных лиц, так и целых учреждений. В связи с решением Киевской Думы об открытии для этих целей микроскопических станций при бойнях г. Сергеевко подал в Думу следующее заявление: «Содержание кабинета для микроскопического исследования свиных туш обойдется до 3 тыс. руб. в год. Между тем, это крайне стеснит привоз свинины, вызовет вздорожание его и не достигнет цели – доставить населению здоровое мясо. Кроме того, не доказано, что такая “дорогая затея” вызывается необходимостью: например, в Мюнхене, где свиного мяса потребляется больше, чем мяса рогатого скота, микроскопических кабинетов нет. Нужна только хорошая проварка мяса, и оно становится безвредным. Сама затея не более как увлечение и недоразумение» (Архив ветнаук. – 1888. – Т. 2. – С. 446).

По поводу этого заявления в газету «Киевское Слово» прислана заметка, в которой указывалось, что на последнем заседании Думы возник вопрос: нужно ли устраивать при бойнях кабинеты для микроскопического исследования. По мнению некоторых, такой кабинет является излишним, потому что за границей и у нас в России случаи заболевания трихинозом весьма редки. Между тем факты говорили обратное: «в трихинозную эпидемию в Гедерслебене, имеющем 2000 душ населения, заболело 337 и умерло 101 человек, в Ганновере заболело около 400, из них умерло 50, в 1866 году в Магдебурге заболело 240 – умерло 16, в 1867 году в Гальберштадте заболело 100 – умерло 20, в Лондоне в 1874 году заболело 400 – умерло 40, в Десдорфе и в Нингагене в конце 1883 года заболело 503 человека, из них умерло 66 человек, в том же году в Эмерслебене заболело свыше 400 – умерло 70, причем расследованием установлено, что заражение произошло от продажи одной туши» (Архив ветнаук. – 1888. – Т. 2. – С. 447).

Во многих зарубежных странах были проведены опыты обезвреживания свинины путем соления, жарения и варения, в результате которых сделаны выводы, что ни один из этих методов не предохраняет от заражения трихинами. Трихинозное мясо не должно употребляться в пищу, а выявить такое мясо возможно только путем микроскопического исследования, поэтому обязательное исследование свинины было установлено в большинстве стран, кроме Англии и США, в которых считали, что население употребляет свинину только после термической обработки. В Чикаго на бойне ежедневно убивалось около 30000 свиней, при этом исследовалось 200–300 голов в день, а в Канзасе вообще не проводили исследования на трихиноз.

В России случаи заболевания трихинозом установлены в Москве, Санкт-Петербурге, Харькове, Новочеркасске, Киеве и других городах. В 1888 г. обязательный осмотр свиного мяса на трихиноз осуществлялся только в Санкт-Петербурге и Москве.

Законодательно закрепленный список болезней, при которых мясо полностью или частично исключалось из пищевой цепочки, – это, несомненно, определенный прогресс в вопросе охраны здоровья населения. Однако большинство этих болезней, как правило, выявлялись ветеринарными специалистами при послеубойном осмотре туш и внутренних органов.

К сожалению, в конце XIX – начале XX в. состояние убойного дела в России находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. По заключению Ветеринарного Комитета Министерства внутренних дел, «значительное большинство существующих в различных городах России простых скотобоев, устроенных частными лицами, не только не удовлетворяют ветеринарным и техническим требованиям, но приносят безусловный вред. В громадном большинстве случаев эти бойни представляются простыми бревенчатыми постройками, без надлежащих стоков и непроницаемого подполья, почему получаемые при убое кровь и отбросы скопляются здесь же, в самой бойне, или под полом. Сложившиеся же громадные массы отбросов вывозятся куда-либо по соседству или спускаются прямо в реку. Никаких приспособлений для осмотра, а в потребных случаях микроскопического исследования туш, не имеется. Даже простой осмотр туш ветеринаром не может на них быть организован, чтобы гарантировать его выполнение» (Ветеринарный архив. – 1911. – Кн. 7. – С. 140) (рис. 1).

О состоянии убойного дела в г. Вятке писал г. Сосунцов (Ученые записки Казанского ветеринарного института. – 1889. – С. 36). Среднегодовое количество скота, необходимое для города, составляло 7000 голов крупного и около 6000 – мелкого скота. Убой скота большую часть года производился без санитарного надзора в уезде во дворах мясников и крестьян пригородных селений. С конца мая, т.е. со времени появления сибирской язвы, и до конца августа по распоряжению местной власти мясной скот пригонялся в город как для осмотра, так и убоя на городской бойне под контролем ветврача, при этом автор отмечал, что половина убитого скота не подвергалась послеубойному осмотру.

Рис. 1. Образец бойни в одном из уездных городов Санкт-Петербургской губернии

Для улучшения работы бойни были внесены предложения:

- не пускать на бойни пьяных мясников и не превращать камеры бойни в распивочные и места разгула;
- не допускать в качестве помощников мясников их малолетних детей, а также массу любопытных городских мальчишек;
- обязать всех мясников иметь прочные привязи и острые инструменты, т. к. нередки случаи, когда животные, оборвав гнилые веревки, выбегали из камер с недорезанным горлом, угрожая общественной безопасности;
- воспретить мясникам, хотя бы до осмотра туши, производить их торговлю;
- устроить при бойне помещение осмотрщика мяса с необходимыми приспособлениями и принадлежностями.

На особенно примитивном уровне осуществлялся убой в небольших поселениях. Состояние убоя скота в Нерчинско-Заводском округе Забайкальской области представил ветеринарный врач М. Д. Блюменфельд, который отмечал антисанитарное состояние существовавшей бойни. Бойня размещалась рядом с поселком в обширной долине, по которой протекал ручей, загрязненный кучами навоза и вонью от трупных отходов. Через ручей на высоте 1 ½ аршина был перекинут бревенчатый пол площадью 20 аршин с лубковой крышей на четырех столбах. При убое кровь стекала между бревен в ручей, а разделка туш осуществлялась на земле.

Осенью скот били на «зимних» бойнях – это несколько врытых в землю столбов, скрепленных попарно поперечными балками, к которым привязывались убойные животные, и в течение нескольких осенних недель производился массовый убой и разделка туш в невообразимых условиях. По мере загрязнения через каждые 2–3 года бойни переносились на новое место.

Ветеринарный врач В. Михайлов представил информацию о салганном промысле в Курганском округе. Устройство салганов очень простое: навес, где подвешивались туши для очистки и снятия шкур, канавы вдоль навесов для стока крови, яма для отходов, сарай для мяса и салотопня. Таких салганов в Курганском округе было около 20, остальные, количество которых неизвестно, представляли обыкновенные дворы крестьян. Время убоя определялось наступлением морозов и проведением ярмарок по сбыту кож. Обычно убой начинался с 5–15 октября и продолжался до 15 ноября, в течение этого периода убивалось до 50000

голов крупного рогатого скота. Реализация мяса осуществлялась в г. Кургане и на ярмарках Пермской губернии.

О варварском убое свиней в отделениях одесских городских боен сообщал доктор Бертензон. В отделении для убоя свиней постоянно царили визг, вопли и хрюканье обреченных на смерть свиней. Связанных по ногам животных втаскивали на особого рода тележках в загородку, из которой ударами дубин их выталкивали и 5–6 ударами добивали, при этом животное издавало отчаянные вопли, было слышно, как трещали черепные кости, а голова превращалась в бесформенную массу (Архив ветнаук. – 1892. – Т. 3. – С. 43).

Магистр Г.Н. Светлов опубликовал «Заметки из наблюдений по Санкт-Петербургской татарской бойне», в которых представил состояние ветнадзора на татарской конебойне вблизи д. Купчино. Бойня расположена в низменной местности с глинистой почвой. Двор бойни не мощен, и в дождливое время там стояла непролазная грязь, в которой тонули убойные лошади, и которая обильно насыщалась различными остатками убоя и пометом лошадей. Все остатки убоя (желудок, кишки, легкие и др.) сваливали в ямы при бойне, которые по мере заполнения засыпались землей. Значительная площадь вокруг бойни была занята такими ямами, в результате чего в летнее время во всей округе стояло удушающее зловоние. Другим источником зловония являлись груды костей и кожи, которые длительное время хранились на территории бойни.

Убойный сарай самого примитивного устройства не имел никаких особых приспособлений для убоя и разделки туши. Все усилия санитарного надзора навести порядок разбивались о невозмутимую косность татар, предпочитавших лучше платить штрафы, чем устранять нарушения. Ветеринарный надзор был поставлен в крайне неблагоприятные условия. Ветеринарному врачу приходилось ездить за 15 верст по ужасной дороге и все время убоя быть под открытым небом или в душной, смрадной комнате рабочих. Ни малейших приспособлений для ветеринарного осмотра не имелось.

Подобное состояние убойного дела в России, при котором созданы условия для распространения болезней среди животных и отсутствовали гарантии обеспечения населения безопасными продуктами питания, вызывало законную озабоченность общественности.

Рязанский и херсонский губернаторы обратились в Правительство с ходатайством издать закон, по которому города и села обязаны организовать скотобойни с надлежащим ветеринарным надзором. В Рязанской губернии ветеринарный надзор на бойнях в 8 уездных городах совершенно отсутствовал, а в Егорьевске, Зарайске и Рязке выполнялся частично. Такой порядок представлял большую опасность, так как при убое на бойнях выявлялось немало продуктов убоя, которые должны быть уничтожены, а они реализовались на общих основаниях. В большинстве случаев при отсутствии ветнадзора бойни содержались в антисанитарном состоянии.

Губернатор Херсонской губернии отмечал, что несмотря на важное значение, которое имели правильно оборудованные и находившиеся под ветеринарным надзором бойни, их строительство в сельской местности находилось в зачаточном состоянии. Практически убой скота в поселениях производился на площадях, по дворам мясников и в других частных помещениях без всякого надзора и соблюдения элементарных правил.

В этих ходатайствах губернаторы просили внести в закон обязательное требование строительства во всех городах и поселениях общественных боен, запретить убой скота в частных бойнях, предоставить земствам право устанавливать таксу за убой скота и получаемые доходы использовать исключительно на нужды бойни, руководители боен должны быть со специальным образованием.

Ветеринарный Комитет Министерства внутренних дел, на рассмотрение которого переданы эти ходатайства, согласился с предложениями.

Во-первых, строительство боен, отвечающих ветеринарно-санитарным нормам, требует выполнения большого объема технических мероприятий (канализация, водоснабжение, осве-

щение и многие другие гигиенические нормы), а также организации ветеринарного надзора, требующих крупных денежных затрат, непосильных для отдельных лиц.

Во-вторых, бойни не должны принадлежать частным лицам и носить коммерческий характер, а должны быть заведениями ветеринарно-санитарного характера, принадлежащими тем или иным общественным учреждениям, преследующим исключительно охрану здоровья населения и недопущение распространения повальных болезней животных.

В-третьих, обеспечить ветеринарными специалистами тысячи частных боен, порой не поддающихся учету, невозможно в обозримом будущем. В России около 1700 городов, поселений и пр., и если для ветнадзора назначить по одному ветврачу, то сразу потребуется 1/3 всего наличного персонала страны (около 4500 врачей). При этом на крупных бойнях потребуется не один специалист, а целый штат ветеринаров.

В связи с этим Ветеринарный Комитет предложил разделить все бойни в зависимости от количества убиваемого скота на 4 группы:

- бойни, требующие для ветеринарного надзора постоянного присутствия штата ветеринарных врачей;
- бойни, требующие постоянного присутствия одного ветеринарного врача;
- несколько боен, работающих по согласованному графику и обслуживаемых одним ветврачом в дни их работы;
- бойни, которые находятся под надзором ветеринарных фельдшеров, прошедших особую подготовку и находящихся под контролем правительственных ветеринаров или земских ветврачей.

Таким образом, была определена принципиальная позиция по дальнейшему совершенствованию убойного дела в России: важным фактором для охраны здоровья населения являлась централизация убойного и скотопригонного дела и обязательный ветеринарный осмотр до и после убоя животных.

Первым решилось городское управление Санкт-Петербурга, выделив на строительство образцовых боен 1500000 руб. и на скотопригонный двор 200000 руб.

Бойня размещалась на Забалканском проспекте и имела 3 отделения: для убоя быков, телят и свиней (рис. 2). Каждое отделение размещалось в отдельном каменном корпусе и разделялось на 60 камер, в каждой камере работали 5 бойцов. Каждая туша осматривалась ветеринарным

Рис. 2. Санкт-Петербургские городские скотобойни. Центральный двор с убойными камерами

врачом, а свинина дополнительно исследовалась на трихиноз. Скотопригонный двор был построен при городской бойне и размещался на площади 9490 квадратных саженей (рис. 3). Двор был разделен на 54 отдельных загона, в которых одновременно могло размещаться 3500 голов рогатого скота. Каждый загон имел отдельный водопой и канализационные колодцы. Для нечистот была предусмотрена регенеративная печь, сжигающая отбросы и предотвращающая выброс вредных газов во внешнюю среду.

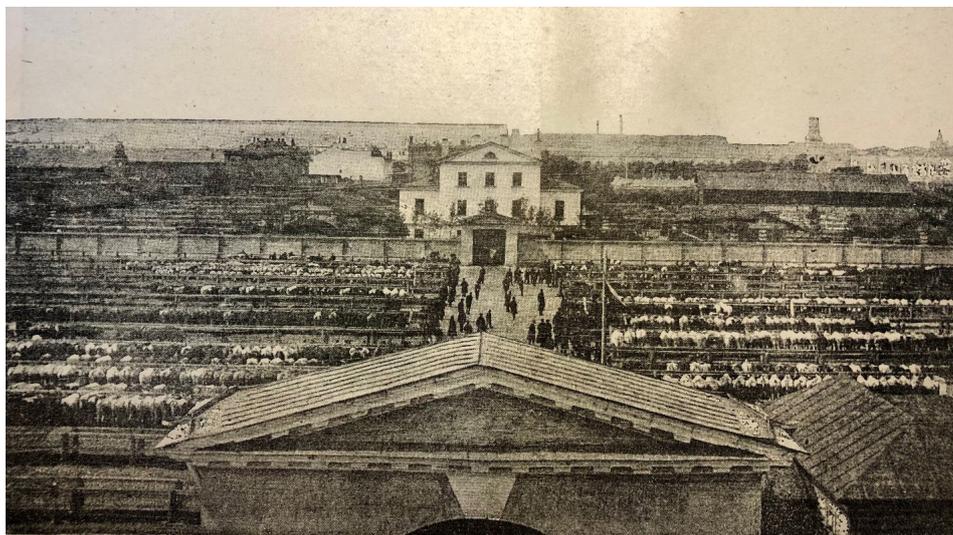

Рис. 3. Санкт-Петербургские городские скотобойни. Скотопригонный двор

В последующие годы строительство центральных боен стало осуществляться в ряде городов, в т.ч. и в Москве. На заседании Московской Городской Думы в 1885 г. было решено на городские средства построить бойню и скотопригонный двор, ассигновав на эти цели 1889052 руб.

Строительство осуществлялось быстрыми темпами, и 2 июня 1888 г. состоялось торжественное освящение и открытие этого грандиозного сооружения (окончательные затраты составили 2300000 руб).

Бойня и скотопригонный двор занимали огромную площадь за чертой города между Спасской и Покровской заставами, рядом с вокзалом Нижегородской железной дороги. Территория была огорожена каменным забором и имела с фасада три въезда: слева – на мясной двор, в середине – на двор администрации и на бойни, а справа – на скотопригонный двор. При въезде в средние ворота по обе стороны располагались два двухэтажных здания с квартирами для администрации, ветеринарных врачей, инженера, конторщиков и пр. В глубине двора – две двухэтажные казармы для рабочих и приемный покой с больницей. В этом дворе расположено два здания с котлами для отопления, прачечная с дезинфекционной камерой, баня, сторожки, мастерская и литейная. На дворе боен построены два здания для убоя мелкого скота (свиньи, телята), контора, микроскопическая станция, четыре здания боен для крупного рогатого скота. Свиная бойня представляла собой светлый зал на 120 квадратных саженей, отапливаемый двумя калориферами и вентилируемый шестью вентиляторами. Микроскопическое исследование свинины производилось главным образом на трихины, для чего от каждой свиньи брались 2 пробы (с диафрагмы и языка). Телячьи бойни представляли собой 4 высоких светлых зала, расположенных параллельно друг другу по два в ряд. Для убоя крупного рогатого скота имелось четыре корпуса, построенных по камерной системе, при этом с фасада здания они одноэтажные, а с противоположной – двухэтажные. Верхний этаж, к которому примыкали загоны для скота, предназначен для убоя и разделки туш, нижний – для хранения этих туш.

Ветеринарное обслуживание осуществляли 5 ветеринарных врачей и 6 микроскопистов. Ветеринарная служба была подчинена непосредственно городской управе. За 10 лет после открытия боен было убито 2365739 голов крупного рогатого скота, 206219 голов свиней и 236616 голов овец.

Вопрос о строительстве в Казани общественной бойни был решен Думой в июне 1889 г., на эти цели было выделено 73000 руб. План строительства разработан при участии ректора ветеринарного института И. Н. Ланге и профессоров гигиены Казанского университета М. Я. Капустина и А. И. Якобия.

Для убоя скота было оборудовано пять камер, в двух резали телят и баранов, а в трех – крупный скот. Убой крупного рогатого скота осуществлялся русским (уколом в спинной мозг и перерезкой шейных сосудов), татарским и еврейским способами. Больных животных убивали в особой камере с последующим уничтожением. На бойне был проведен водопровод и оборудованы стоки для удаления жидких и густых нечистот, при этом отбросы и нечистоты не утилизировались, а закапывались в глубокие ямы, а жидкость и кровь удалялись по трубам по направлению к Волге. Имелся небольшой микроскопический кабинет с двумя микроскопами. Ежедневное число убитых животных – до 660 голов. Ветеринарный персонал состоял из одного постоянно живущего на бойне ветеринара и трех дежурных городских.

В эти же годы были построены общественные бойни в Одессе, Киеве, Николаеве, Херсоне, Тирасполе и других городах. С вводом в эксплуатацию общественных боен в этих городах и окрестностях запрещался убой на частных бойнях.

В 1888 г. в приказе московского обер-полицмейстера было объявлено, что министр внутренних дел признал нужным «нынче же сосредоточить убой мясного скота, торговлю им, а также помещение его в ожидании убоя только на открытых городом бойнях, скотопригонном дворе, и не допускать сего ни в других местах Москвы, ни в ее окрестностях» (Архив ветнаука. – 1888. – Кн. 2. – С. 331).

Следует отметить, что решение запретить убой скота на частных бойнях не является российским изобретением. Во Франции декретом Наполеона I еще 9 февраля 1810 г. установлен порядок убоя и осмотра мяса. С тех пор в больших и средних городах частные бойни заменены общественными.

За Францией последовали Бельгия, Пруссия, Англия, Италия и другие страны. В России определенных правил и положений относительно осмотра убойного скота и животных продуктов не существовало (Архив ветнаук. – 1889. – Кн. 3. – С. 96).

Принятие законов об устройстве общественных боен осуществлялось медленными темпами на протяжении многих лет. В Пруссии, Италии такие законы были приняты в 1868 г., а в Англии, спустя 100 лет после декрета Наполеона I, состояние ветсаннадзора за продукцией животноводства характеризовалось следующим образом: «проведение действительного и систематического осмотра мяса затрудняется не очень большим числом общественных боен» (В Англии и Уэльсе на 1100 городских общин не приходится и 100 общественных боен). Но даже в городах с общественными бойнями продолжают существовать частные, причем на мясников не может произведено какое-либо давление. Только в Шотландии, там, где имеются общественные бойни, частные не должны были существовать.

Имеющийся в городе персонал санитарной службы настолько был занят другими служебными делами, что для осмотра мяса у них оставалось мало времени. Особый персонал, который был бы занят только осмотром мяса, законом не предусмотрен. Осмотр на трихины считался излишним, так как свинина потреблялась только в вареном виде (Архив ветнаука. – 1911. – Кн. 9. – С. 1165).

В США большинство боен принадлежали частным лицам и компаниям. Как правило, это крупные, технически оснащенные, благоустроенные предприятия. Так, бойня в Чикаго зани-

мала площадь около 360000 квадратных сажений, по которой проложено 20 миль мостовых и 75 миль труб, несущих воду и удаляющих нечистоты. Ежедневно убивалось до 160000 животных, а в 1890 г. их количество достигло 14 млн, что обеспечивало доход около 70 млн долл. Каждую тушу по мере ее разделки осматривали 4 ветеринарных врача. Штат ветеринарных специалистов состоял из 350 человек от центрального (федерального) правительства, от города и от частной компании, которой принадлежала бойня.

В Европе характерным примером является строительство общественной бойни в Берлине, которая, в отличие от частных боен, осуществляла более глубокую переработку продуктов убоя животных. В ее составе имелись завод для приготовления фибрина и альбумина, салотопня, маргариновый завод, цех обработки кишок для приготовления колбас, заведения для солки и сушки кож и выделки щетины, завод для утилизации трупов.

Бойня построена в 1881 г., общая стоимость – 18 млн марок, из них 10 млн – на строительство боен и 8 млн – на скотопригонные дворы. В этой же сумме около 600 тыс. марок выделено на закрытие и уничтожение частных боен (в Берлине в 1866 г. было около 800 частных боен).

Скотопригонный двор для крупного рогатого скота представлял собой каменное здание, северная сторона и крыша были стеклянные, полы асфальтированные. Помещение разделено на 116 загонов, в которых размещалось до 4000 голов.

Павильон для телят разделен на 200 загонов и вмещал 3000 телят, павильон для овец – на 307 загонов, вмещавших 30000 голов, павильонов для свиней было два: один разделен на 600 загонов, вмещавших 10000 голов, второй – на 2000 голов.

Бойня для крупного рогатого скота размещалась в трех больших зданиях, разделенных на 137 отдельных камер. При бойне оборудованы холодильник с 276 отделениями и 32 больших ледника.

Бойня для телят и овец помещалась в трех больших зданиях, устроенных по павильонной системе.

Бойни для свиней помещались в пяти зданиях, в которых можно убивать до 6000 голов в день. При бойне для свиней в отдельном здании размещалась микроскопическая станция, в которой работали 105 женщин-микроскописток и 70 срезчиков проб.

Освещение боен газовое, вода поступала из городского водопровода, в год расходовалось до 740 млн л. На скотопригонных дворах и бойнях проведена канализация.

В 1897–1898 гг. было пригнано для убоя 211195 голов крупного рогатого скота, 856859 свиней, 162612 телят, 574805 овец. Во главе ветеринарного персонала бойни стоял директор боен – ветеринарный врач и его помощник – ветеринарный инспектор боен. Под их руководством работали 23 городских ветврача, которые ежедневно должны были осматривать животных как до убоя, так и после убоя, а также 30 штемпелевщиков, которые по указанию ветврача клеймили туши.

Строительство общественных боен в крупных городах России не достигло цели гарантированного обеспечения населения безопасными продуктами животного происхождения, опасность не устранялась, а перемещалась из больших городов в малые. Для мясоторговцев бойни уездных и заштатных городов, в большинстве случаев не имевшие ветеринарного надзора, стали удобным местом сбыта подозрительного скота.

Магистр А. А. Краевский писал: «Стоит лишь заглянуть в отдел корреспонденции любой провинциальной газеты, чтобы убедиться, до каких размеров доходят злоупотребления мясоторговцев, и насколько общество проникнуто сознанием необходимости учреждения надзора за мясными продуктами. В России только 20 городов имеют общественные бойни. Цель будет достигнута лишь тогда, когда во всех городах Империи будут учреждены общественные бойни и саннадзор. Расходы на постройку бойни, удовлетворяющей главным требованиям гигиены, незначительны и доступны для городов. По приблизительным расчетам, смета расходов

на строительство каменного здания бойни в городе с 10-тысячным населением составит 3–5 тысяч рублей. Ежегодный доход такой бойни – 2,5–3,0 тысячи рублей, который мог служить дополнительным источником на санитарные мероприятия» (Архив ветнаук. – 1889. – Кн. 3. – С. 99).

Подобные бойни были построены в Тирасполе стоимостью 5000 руб. и в Елисаветграде в 1886 г. стоимостью 13000 руб.

Одновременно с решением вопроса о строительстве общественных боен необходимо было разработать меры по организации ветеринарного надзора за привозным мясом в крупные города для обеспечения их потребности в мясных продуктах. Привозное мясо, полученное преимущественно на частных бойнях или от убоя скота во дворах, где нередко отсутствовал ветнадзор, хотя и сопровождалось ветеринарным свидетельством, но в нем не было отметки, что животное прошло предубойный и послеубойный ветеринарный осмотр. Поставка такого мяса в отдельные города достигала значительных объемов. Так, в 1888 г. в г. Санкт-Петербурге в торговую сеть от убоя скота на городской бойне поступило 3177846 пудов мяса, а доставлено из других территорий – 1858329 пудов, или 36,9% от общего объема. Санкт-петербургский градоначальник категорически потребовал учреждения обязательного осмотра привозных мясных продуктов до поступления в торговую сеть и одновременно обратил внимание на острую необходимость создания достаточного количества микроскопических станций для исследования свиных туш на трихиноз.

В губерниях и областях организацию контроля за привозным мясом решали или созданием специальных станций, или возложением этой функции на ветслужбу общественных боен. В Казани был законодательно установлен ветеринарный контроль за привозным мясом на специальной станции. Осмотр такого мяса осуществлялся тремя городскими ветеринарами в центре города на Мяснорядской площади. В распоряжении ветврачей имелись 2 ветеринарных фельдшера и 12 стражников. В 1892 г. было осмотрено 52236 туш и полутуш, из которых забраковано 502 свиные туши (финноз) и 2576 отдельных частей туш. В Киеве привозимые туши должны были обязательно доставляться на городские бойни для осмотра, и если мясо признано доброкачественным, тушу клеймили, после чего она поступала в торговую сеть. Ответственным за осмотр являлся ветеринарный врач, назначаемый городским управлением.

Аналогичный способ контроля привозного мяса осуществлялся во многих странах Западной Европы. В Берлине, согласно утвержденным городским управлением правилам, мясо от животных, убитых не на Берлинской бойне, могло быть допущено для продажи после осмотра на специальных станциях. Такие станции в количестве 8 были организованы при существующих мясных рынках и железнодорожных станциях, где осуществлялась выгрузка мяса. Для осмотра мяса назначены 15 ветеринарных врачей и необходимое количество микроскопистов и срезчиков проб.

Ввозимое извне в Саксонское государство мясо подлежало обязательному исследованию в пункте пропуска. Осмотр осуществляли дипломированные ветврачи или особо подготовленные и выдержавшие государственный экзамен осмотришки.

По мере ужесточения контроля за безопасностью продуктов животного происхождения мясоторговцы стали проявлять недовольство работой органов ветеринарного и санитарного надзора.

Изначально органы ветнадзора были организованы в составе Медицинского Департамента и врачебных отделений губерний, которые регулировали их деятельность. В этот период ветслужба была малочисленной, и вопрос разграничения сфер деятельности не имел существенного значения. После вывода ветеринарной части из состава Медицинского Департамента и превращения в самостоятельную структуру ветеринарная служба превратилась в организа-

цию, не уступающую, а в отдельных губерниях превосходящую по численности медицинскую службу.

Отсутствие четкого разделения функций между этими ведомствами привело к дублированию их деятельности в области надзора, вызывало жалобы мясоторговцев на многочисленные проверки и порой необоснованное наказание.

Разрешению назревшей проблемы во многом способствовало ходатайство харьковского губернатора от 14 апреля 1907 г. № 744 в адрес Министерства внутренних дел. В этом письме губернатор писал: «усматривая, что ни инструкцией ветеринарным инспекторам от 29 апреля 1899 г., ни циркуляром от 15 июня того же года за № 1109 (по Медицинскому Департаменту) не проведена строго определенная грань между сферами деятельности медицинского и ветеринарного надзора, почему и до настоящего времени встречаются постоянные недоразумения. При точном разграничении сфер деятельности врачебной и ветеринарной не будет никаких недоразумений и, следовательно, не последует в существе надзора тех пробелов, которые вредно отразились бы на здоровье и благополучии населения» (Архив ветнаук. – 1911. – Т. 15, кн. 4. – С. 55, 68).

Рассмотрение этого ходатайства было поручено комиссии из членов Ветеринарного Комитета под председательством П. П. Пештича, П. И. Булатова, И. А. Качинского, М. А. Игнатьева и П. И. Эккерта.

После детального изучения вопроса комиссия внесла предложения:

1. Санитарный надзор за сырыми животными продуктами в местах убоя скота, лошадей и птиц, в местах хранения этих продуктов, первоначальной переработки их или продажи как в сыром, так и в первоначально обработанном виде (бойни крупного и мелкого скота, конебойни, салганы, птицебойни, склады кож, овчин, костей, шерсти, волоса, рогов и др., кожевенные заводы, заведения кишечные и по изготовлению консервов, колбасни, салотопни, шерстомойки, мясные, птичные, рыбные и молочные лавки и подобные заведения) должны состоять на чинах ветеринарного надзора и находиться в ведении ветеринарного начальства.

2. Надзор за фабриками, заводами, ремесленными и кустарными заведениями, дающими уже подвергшимся ветеринарному осмотру животным продуктам окончательную обработку для общественного потребления, а также за местами торговли ими составляет предмет медицинских органов.

При рассмотрении этих предложений Медицинский Совет категорически выступил против возложения на ветеринарные органы контроля в торговой сети (лавки всех видов мяса, рыбы, молока) и в заведениях, занятых обработкой сырых животных продуктов.

Обоснованием для исключения торговых точек из-под контроля ветеринарного ведомства явилось следующее:

– в лавки должно поступать мясо, только прошедшее ветосмотр на бойнях города и привозное мясо, осмотренное в специальных лабораториях города;

– в лавки мясо поступает в разделанном виде без внутренних органов, что не дает возможность определить, в каком состоянии было убито животное.

Что касается указанных заведений по переработке сырья, то они работали на сырье от животных, прошедших ветосмотр, и его подвергали термической, химической или другим видам обработки, превращая продукцию в безопасную в ветеринарном отношении.

По итогам обсуждения Министерство внутренних дел утвердило циркуляр от 13 июня 1908 г. № 23 следующего содержания:

1. Санитарному надзору ветеринарных органов подчинены места прогона, ввоза и убоя крупного и мелкого скота, конебойни, салганы, птицебойни, места осмотра привозного мяса, молочные фермы, а равно места хранения животных продуктов в виде складов кож, овчин, шерсти, волоса, костей и рогов и пр.

2. Ведению медико-санитарного надзора подлежат лавки мясные, рыбные, птичьи, молочные, равно все заведения, занятые обработкой сырых животных продуктов: консервные, колбасные, кишечные, желатиновые, салотопни, шерстомойки, клееварни.

3. Надзору медико-санитарному и ветеринарному подлежат кожевенные и шубные заведения.

4. При отсутствии ветеринаров или врачей функции первых могут быть временно возложены на вторых и обратно с тем, чтобы в таких случаях строго соблюдались правила как по санитарной части, так и по ветеринарной.

Таким образом, в конце XIX и начале XX в. в России были заложены основы организации контроля за безопасностью сырья животного происхождения, которые включали следующие принципиальные подходы:

- ответственность за обеспечение населения безопасной продукцией животного происхождения возлагается на государственные органы;
- необходимо применять единые для страны научно обоснованные инструкции по оценке сырья животного происхождения;
- убой скота, как правило, необходимо осуществлять на общественных скотобойнях, отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям и обеспечивающих ветеринарно-санитарный надзор;
- организация специальных станций для осмотра привозного мяса;
- поступление в торговую сеть сырых животноводческих продуктов только после их осмотра и клеймения государственными ветспециалистами скотобоен и станций по осмотру мяса;
- контроль за состоянием здоровья животных на фермах, поставляющих скот для убоя;
- четкое распределение функций по контролю между ведомствами, осуществляющими надзор за продуктами животного происхождения.

Если в России в конце XIX – начале XX в. активно разрабатывались меры по контролю за безопасностью мясной продукции, то аналогичные меры по контролю за производством и реализацией молока находились в зачаточном состоянии.

Молочные продукты всегда имели исключительное положение на рынке продовольствия, являясь незаменимыми в питании всех классов населения.

В связи с этим повсеместные жалобы на недоброкачество молочных продуктов заставили специалистов обратить внимание на состояние молочной промышленности. С этой целью обследовали молочные фермы и коровники в Харьковской, Волынской, Киевской, Курской, Орловской, Смоленской губерниях, Санкт-Петербурге, Москве, Ярославле, Нижнем Новгороде, Харькове, Полтаве, Житомире, Одессе, Севастополе, Ялте и некоторых уездных городах.

Анализ полученных результатов свидетельствует, что в стране не было единых ветеринарно-санитарных требований к молочным фермам, санитарных норм при реализации молока, законодательно закрепленного разделения функций контроля между надзорными ведомствами.

Качество и безопасность молочной продукции зарождается на фермах и зависит от зоогигиенического состояния животноводческих помещений, состояния здоровья животных, уровня кормления, водопооя, соблюдения технологии доения, первичной обработки и хранения продуктов.

В проверенных регионах большинство животноводческих ферм находились в крайне неудовлетворительном состоянии.

Ветеринарные врачи Э. Пенский и Малов так характеризовали молочное хозяйство в Одессе: «Помещение для коров обыкновенно находится вблизи помойных ям, мусорных ящиков и ретиранных мест. Отсутствие света и вентиляции – как бы обязательное условие коровника. На корову иногда приходится 0,2 кубических саженей воздуха, который бывает

до такой степени насыщен аммиаком, что затрудняет дыхание вошедших людей. Стоки для навозной жижи устраиваются крайне неудовлетворительно. Во многих коровниках деревянные полы имеют щели, через которые выступает грязная, зловонная жижа. Бывает, что весь навоз сваливается под стенками коровника для сохранения тепла и остается на всю зиму. Забота о животных состоит лишь в том, чтобы кое-как прокормить и напоить их. Вымя у коров перед доением зачастую не обмывается, удой сливается в большие глиняные или жестяные кувшины весьма подозрительной чистоты. Молоко сохраняется или в коровниках или в передней квартиры скотовладельца, прикрытое грязной тряпкой» (Архив ветнаук. – 1901. – Кн. 2. – С. 214).

В Киеве большинство хозяев имели весьма превратное понятие о зоогиgiene и нередко содержали молочный скот в невозможных условиях. Помещения для коров на некоторых фермах представляли щелеватый навес, обложенный навозом. Коровы стояли в навозных лужах и никогда не чистились. Многие владельцы не выражали готовность к улучшению зоогигических условия для коров и содержанию молочной посуды в чистоте, считая, что у них все в порядке.

Доктор Рязанов свидетельствовал, что скот в Санкт-Петербурге содержался в страшной грязи в отвратительных помещениях, молоко часто хранилось в жилых помещениях или в коридоре, где едва можно дышать от близкого соседства с отхожим местом.

Контроль за санитарным состоянием ферм и соблюдением правил производства молока осуществляли инспекторы санитарной службы городов. Эти обследования ограничивались наружным осмотром коров, помещений, чистоты содержания скота, при этом не затрагивались вопросы состояния здоровья скота, в том числе по инфекционным болезням.

В связи с этим Одесская санитарная комиссия высказала мнение, что только при взаимодействии ветеринарного надзора, удаляющего больных коров, и врачебно-санитарного, устраняющего от молока больных людей, можно добиться, что молоко принесет пользу, которую от него ждет потребитель.

Против выступила Санкт-Петербургская санитарная комиссия, сообщив в своем отчете: «Повсюду одной из главнейших обязанностей врачей является надзор за доброкачественностью жизненных продуктов и что поручать эту обязанность ветеринарным врачам было бы несообразностью, не допускаемой ни наукою, ни практикой жизни» (Архив ветнаук. – 1901. – Кн. 2. – С. 240).

Игнорируя участие ветеринарных врачей, санитарная комиссия переоценила свои силы и возможности, в результате в работе по контролю за молочными продуктами появились крупные недочеты. При наличии в Санкт-Петербурге около 500 молочных ферм в 1892 г. сделаны анализы 215 проб молока, в 1893 г. – 140 проб, в 1895 г. – 268 проб. Таким образом, на каждую ферму не приходилось даже по одному анализу.

С 19 марта по 14 апреля 1894 г. санитарными врачами было осмотрено 35 ферм с 300 коровами, из них 11 признаны благоустроенными, 15 – удовлетворительными и 9 – плохими. Однако, по отзывам земских ветврачей, осматривавших фермы, процент плохих был значительно выше.

Санитарный врач осмотрел 10 ферм Выборгской части, доложил, что фермы содержатся неудовлетворительно, молоко хранится в грязной посуде в комнате, заставленной различным хламом, в которой при этом спит прислуга, а в коровниках нет стока для жидких нечистот. Тем не менее городская лаборатория по результатам исследования дала заключение, что молоко вполне доброкачественно.

В этой ситуации потребитель не мог быть уверенным в доброкачественности употребляемого молока несмотря на свидетельства городской санитарной станции. Такой надзор являлся совершенной пародией мер для защиты здоровья населения и вызывал законное недоверие.

К сожалению, молоко с таких ферм поступало в торговлю зачастую через руки посредников. В Киеве посредники покупали цельное молоко по цене от 50 до 90 коп., а продавали – от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 80 коп. Таким образом, посредники имели прибыль, в несколько раз превышавшую доход владельцев ферм, при этом нередко им приходилось довольствоваться только навозом для удобрения полей. Не меньший вред посредники наносили, когда в погоне за прибылью подвергали молочную продукцию фальсификации.

В результате на рынках присутствовало значительное количество недоброкачественной молочной продукции. В отчете Московской городской санитарной станции указано: «произведенные в течение двух лет исследования молока свидетельствуют, что потребители в громадном большинстве случаев приобретали молоко снятое, полуснятое, разбавленное водой и фальсифицированное. Обнаружены добавки соды, борной кислоты, снятого молока, а в сметане – примесь творога» (Архив ветнаук. – 1901. – Кн. – С. 243).

Помимо санитарной станции, в Москве имелось 10 «базарных смотрителей-врачей». В их отчетах указано, что «привозное на рынки молоко из окрестных деревень представляется в более или менее сильной степени загрязнения, внушая потребителю чувство брезгливости и даже полного отвращения: кувшины с молоком затыкаются отвратительными тряпками, издающими промозглый характерный запах прокисшего молока, при развертывании затычки они оказываются состоящими большей частью из соломы, взятой, вероятно, из хлеба и обернутой грязной ветошью» (Архив ветнаук. – 1901. – Кн. 2. – С. 242).

Санкт-Петербургская городская санитарная станция представила отчет, что «тощего» или полуснятого молока на петербургских рынках продавалось под видом цельного до 35 %, и даже часть снятого (до 7 %) ухитрились реализовать в общем количестве цельного молока. Таким образом, в продаже имелось почти 1/3 низкопробного молока с содержанием жира менее 3 %. При исследовании 58 проб масла в 14 (24,2 %) обнаружен маргарин, из 144 образцов 53 (38,8 %) оказались прогорклыми.

Контроль в городе за молоком осуществляли 12 «торгово-санитарных врачей», которые отмечали, что сор в молоке – обычное явление, и поставщики молока не обращали на это никакого внимания. На Покровской площади торговля молоком производилась настолько безобразно, что удивительно, каким образом в таких условиях оно сохранялось. Не говоря о фальсификации, само хранение молока вызывало чувство омерзения: кувшины грязные как снаружи, так и внутри, особенно неряшливо содержались крышки кувшинов, обмотанные тряпками разного рода – вплоть до обносков нижнего белья (даже с пуговицами). То же самое засвидетельствовано торгово-санитарным врачом Андреевского рынка и в других частях города.

В Одессе при бактериологическом исследовании 173 проб молока в 10 случаях выделен возбудитель туберкулеза. Благодаря исследованиям санитарной станции обнаружено, что снятое молоко на городском рынке вовсе отсутствовало, а был лишь жидкий, водянистый продукт с содержанием жира не выше 1,5 %.

Киевское базарное молоко в 32 случаях из 100 оказывалось так или иначе фальсифицированным. Чаще всего на рынок поступало молоко снятое или разбавленное водой, с прибавкой соды.

В 1895 г. из 100 образцов масла 67 было забраковано по причине значительной прогорклости, опасной для здоровья потребителей.

В Кишиневе молоко заслуживало внимания как продукт широкого применения и наиболее часто фальсифицируемый. Пробы масла имели примесь творога, а сметана состояла из «болтушки», приготовленной из кислого молока, к которому только как примесь добавлена сметана.

Плачевное положение молочного дела в России вызывало постоянную тревогу общественности. Однако практически до 1891 г. санитарные учреждения были мало озабочены коренным улучшением условий производства и реализации молока для населения.

Когда одесская санитарная комиссия в 1891 г. обратилась в разные города, желая воспользоваться их опытом в решении этой проблемы, то оказалось, что в Москве, Харькове, Казани, Киеве и других городах никаких постановлений по этим вопросам не было, а Санкт-Петербург ответил, что они только приступили к разработке законодательных актов. Но и в последующие годы эти мероприятия осуществлялись крайне медленными темпами.

Спустя 10 лет, в 1901 г., ветврач М. П. Слесаревский писал: «если подвести итоги санитарных мероприятий в городах, где даже и утверждены правила, то и тогда потребитель, ознакомившись с истинным положением дел, должен придти в отчаяние» (Архив ветнаук. – 1901. – Кн. 2. – С. 247).

Подобные трудности в организации снабжения населения доброкачественными молочными продуктами в свое время пережили многие страны Западной Европы. Доктор Армстронг в статье «Молоко коров по отношению к человеческому здоровью и к болезни» писал: «недостаточная чистота молочной фермы может служить причиной порчи молока. Еще 10 лет тому назад до настоящего времени в Англии описана 71 эпидемия, несомненно, происшедшие от молока, из них 50 – брюшного тифа, 15 – скарлатины и 6 – дифтерита. В Гамбурге из исследованных 963 проб масла 349 проб оказались: 206 – перемешанными с посторонними фермами, а 143 – маргарином. То же самое – с молоком: из 44 проб 25 оказались совершенно неудовлетворительными» (Архив ветнаук. – 1892. – С. 105–106).

По мнению автора, все условия, касающиеся производства и распределения молока, должны находиться под государственным контролем и регулированием.

Вопрос санитарно-полицейского контроля молочного производства детально обсуждался на VIII Международном конгрессе гигиены и демографии в Будапеште. С обстоятельным докладом выступил профессор Дамманн, который считал, что контроль молока должен производиться на месте его производства и предложил проект инструкции из 6 пунктов по данному вопросу (Архив ветнаук. – 1895. – Кн. 1. – С. 121).

В большинстве стран Европы в соответствии с этими рекомендациями разработаны и утверждены правила в отношении производства и торговли молоком и молочными продуктами. В Пруссии в округе Штетин были утверждены правила следующего содержания:

« – всякая корова, молоко которой предназначено для продажи, должна содержаться в хорошо вентилируемом просторном стойле высотой 2,8 метра, шириной 1,25 м, длиной 2,5 метра;
– пол должен быть ровным, из обожженных кирпичей или из толстых досок или асфальта;
– полы чистятся ежедневно 2 раза – утром до 8 часов и после полудня между 5–7 вечера;
– коровы должны ежедневно один раз, а именно с 1 апреля по 30 сентября между 5 и 9 часами утра, а с 1 октября по 31 марта между 6 и 9 часами утра подвергаться чистке посредством скребницы и щетки, вымя коровы должно очищаться перед каждой дойкой;

– раз в неделю, а именно в понедельник, производится тщательная чистка ясель, кормушек, ведер и всей остальной утвари в стойле;

– ежегодно один раз в первой половине мая все стойла, стены, потолок белятся известью;

– молоко от коров с травмами и нагноениями, а также от больных бугорчаткою, желтухой, поносом, ящуром, оспой, эмкарсом, воспалением матки, антраксом, бешенством в продажу не допускается, запрещается продажа молока до 3 дней после отела;

– вода для поения используется из колодцев или проточных водоемов;

– для молока используется посуда, в которой молоко не воспринимало никаких посторонних веществ;

– лица, страдающие заразными болезнями, не допускаются к доению, перевозке и продаже молока;

– помещения для продажи и хранения молока должны постоянно содержаться в полнейшей чистоте и тщательно проветриваться и не использоваться как жилое помещение;

– сорта молока должны быть четко обозначены: “цельное молоко”, “снятое молоко”, “простокваша”, “сливки”;

– запрещается прибавлять к молоку воду и вещества, консервирующие молоко, как сода, борная кислота, салициловая кислота;

– все, занимающиеся торговлей молоком от своих коров, должны получить разрешение полиции;

– по меньшей мере два раза в год каждое молочное хозяйство – стойла, помещения для молока, вся утварь должны быть осмотрены правительственным ветеринаром или его заместителем;

– за нарушение настоящего постановления виновные наказываются денежным штрафом от 3 до 60 марок, а не соответствующее требованиям постановления молоко уничтожается» (Архив ветнаук. – 1898. – Кн. 7. – С. 170–171).

Аналогичные постановления относительно правил торговли молоком были утверждены в Швеции, Швейцарии, Румынии, Англии и других странах Европы.

Более того, помимо утверждения правил, в этих странах наметился постепенный переход молочного дела из рук мелких торговцев к крупным акционерным компаниям. В Берлине было организовано крупное молочное заведение Болле, продававшее в день по 60000 л молока, в Лондоне – акционерное общество Aylesbury Dairy Company, ежедневно доставлявшее 842 ведра молока.

К сожалению, в России этот процесс в начале XX в. сдвинулся на несколько десятков лет, что, вероятно, связано с военными и революционными событиями того периода.

Решение проблемы наступило с изменением технологии содержания молочного скота, созданием крупных молочных ферм, строительством молочных заводов, осуществляющих приемку, переработку и реализацию молочной продукции. Для этих учреждений были разработаны ветеринарные и санитарные правила, при этом контроль за фермами был возложен на ветеринарную службу, а за молзаводами и торговыми предприятиями – на службу санитарного надзора.